

УКРЫТИЕ ИЗГНАННИКА

Стояла холодная темная ночь, и то место, где в траве лежал индеец, мало подходило для привала. Ни воды, ни укрытия от ветра. Прерия простиралась равниной к северу от большой излучины реки Миссури. Ледовое крошево набивалось в траву и поблескивало в лунном свете, его день и ночь наносило и тут же срывало сильным ветром. Хотя снег давно сошел, ночные заморозки обращали любую влагу в ледовую корочку. На небе толклись клочья туч на бегу к юго-западу.

Индеец лежал на боку, опираясь на левый локоть. Голова клонилаь от усталости на плечо. Глаза его были открыты, но смотрели в землю. Он то и дело хватался свободной рукой за правую ногу, голень которой была неестественно вывернута — как при переломе.

Не было при нем ни коня, ни шкуры, ни оружия, ни провианта. Рядом с ним лежали две крепкие палки, которые вот уже три дня служили ему костылями. Он исхудал до скелета и мерз. Огниво — жесткое кресало и мягкий трут — он захватил с собой при побеге, но у него не было сил, чтобы искать в лысой прерии ветки для костра. Он боролся со сном, боясь замерзнуть и больше не проснуться. Его желание жить и добраться до цели оставалось несломленным.

Он пролежал так уже три часа, слыша лишь вой голодных волков. Теперь они смолкли и все плотнее сжимали кольцо вокруг своей добычи. Индеец взял одну из своих палок и стал бить ею о землю. Конечно, хищников этим не отогнать, но хотя бы спугнуть на время взмахами палки и стуком.

Вскоре он услышал какой-то посторонний звук. Он показался ему очень знакомым, индеец прильнул ухом к земле и прислушался. Сомнений не осталось. По ночной прерии

скакал всадник, а то и не один, а двое или даже трое. В голове его смешались страх и надежда. Он сбежал от беспощадных врагов, три дня тому назад едва ушел от них. И теперь не знал, то ли это враги, то ли его соплеменники. Но ни те ни другие не могли прийти с юго-востока, откуда доносился звук.

Топот копыт приближался. Вскоре индеец различил двух лошадей, быстрых как ветер мустангов. Их черные силуэты, слитые с седоками, летели по степи. Всадники достигли кольца волков, и все внимание наблюдавшего захватила игра теней, видимая в свете луны и звезд. Всадники на скаку натянули тетивы и выпустили стрелы. Одного волка ранили, он взвился на задние лапы и опрокинулся на спину. Три волка погнались за вторым конем, но, как только один из них прыгнул, всадник ударил его палицей или томагавком — этого наблюдатель не мог разглядеть. Но увидел, как хищник соскользнул и остался лежать. Его удивило, что оба всадника не издали ни звука. Они скакали без седел, с непокрытыми головами, волосы их были заплетены в косы; это были индейцы. Лежащий бы с радостью их окликнул, но он все еще не знал, враги или друзья перед ним, скрываться ли от них или рассчитывать на помощь.

Всадники развернули лошадей и атаковали волков с луком и стрелами и, как теперь уже мог видеть раненый, хлесткими гибкими палицами. Они сражались смело и ловко, и вскоре остаток голодной стаи бежал в прерию.

Однако по гибким палицам наблюдатель понял, что всадники, должно быть, из племени дакота. Они были его злейшими врагами, и ему оставалось только надеяться, что его не заметят. Он с опаской внимательно проследил их дальнейший путь.

Сначала они остановились и стали что-то обсуждать. Индейцу бросилось в глаза, что один из всадников был намного крупнее второго, а тот был не только меньше ростом, но и помальчишески худ. Посоветовавшись, всадники неожиданно спешили и, казалось, решили устроить привал, хотя место, где они находились, так же мало подходило для привала, как и то, где обессилел раненый. Ему оставалось только ждать, что будет дальше. Волки убежали, зато теперь рядом оказались дакота. Одна опасность была ничем не лучше другой. Он решил не

шевелиться и быть начеку. Возможно, рассвет внесет ясность в его дальнейшую судьбу. Он снова ощутил пронзительную, тычущую боль в месте перелома голени, о которой он забыл из-за волнения от последних событий.

Медленно шли часы, звезды уже погасли, только утренняя звезда сияла на небе, раненый внутренне уже был готов ко всему, что бы с ним ни случилось. Хотя поблизости не было водной глади, в которой он мог бы увидеть свое отражение в утренних сумерках, он знал, что на его лице был красный боевой раскрас и следы этого раскраса еще не стерлись. Между ним и дакота не могло быть ничего, кроме вражды не на жизнь, а на смерть. А поскольку он безоружен, ему оставалась только смерть. Вопрос был лишь в том, заметят ли они его. Сложно было не заметить следы, которые он оставил, ковыляя по прерии на двух палках.

Рассвело, но солнце еще не взошло. На горизонте лежала гряда облаков, было по-прежнему холодно. Метрах в ста пятидесяти тянулась почвенная складка, и раненый заметил, что дакота лежали на ее возвышении; лошади, должно быть, стояли позади него. Чужаки не проявляли особой осторожности. Ви-

димо, не ждали опасности от обезноженного раненого индейца. Они явно его заметили и поглядывали в его сторону, пытаясь понять, кто он и как будет себя вести. Так прошло полчаса. Лучи солнца уже то и дело пробивались сквозь облачную грядку.

Дакота, кажется, решили, что делать дальше. Тот, что поменьше, взял лошадей и повел в сторону беззащитного раненого. Большой, чья рослая стать казалась мощной, но в то же время и гармоничной в своих пропорциях, налегке шагал рядом. Они не торопились. Понимали, думал раненый, что жертва от них никуда не денется. Но им придется узнать, как воин племени сиксиков встречает свою смерть. Он невольно схватил одну из палок, которую использовал как костыль. Вступить в бой бессмысленно, но так он хотя бы покажет, что добровольно не сдастся.

Дакота наконец остановились в двух метрах от него. Они стояли молча и не начинали разговор, так что у сиксиков было время посмотреть на них. Это были мужчина и рослый юноша. Одеты оба только в кожаные штаны и мокасины, они тоже мерзли. Через спину одного коня было перекинута одежда из шкуры бизона. Эти двое дакота были отлично вооружены. Из стрелкового оружия — лук и стрелы, двуствольное ружье и револьвер, из ручного — не только нож и гибкая палица из камня размером с яйцо на рукояти из ивняка, но и томагавк со стальным лезвием. Сиксик был поражен. О револьверах он знал до сих пор лишь по слухам. Эти дакота, должно быть, состояли в очень хороших отношениях с белыми людьми, у которых только и можно было раздобыть такое оружие.

Раненый не собирался говорить первым. Пока не начались разборки, он мог оставаться в живых. Он выжидал.

На дакота не было боевого раскраса. Сиксик рассмотрел вышивку на их мокалинах и на ремне мужчины. Узор был незнакомый. Может быть, эти индейцы своими приборами и косами, гибкими палицами были всего лишь похожи на дакота, но принадлежали не к тому племени, с которым воевали сиксики и его братья. Может, они вообще не знают об этой войне? Может, они были на границе, выменяли себе огнестрельное оружие и теперь возвращаются к своему стойбищу. Но они же

видят, что сиксик, лежащий перед ними, в правой руке все еще воинственно держит палку, а на лице его боевой раскрас.

Воин дакота что-то сказал, обращаясь к нему; сиксик понимал лишь отдельные слова, но по жестам догадался, о чем его спросили: как звать и не отвезти ли его куда скажет.

Этот вопрос показался ему чудесным, но слишком подозрительным в его человеческой простоте, чтобы сразу ответить «да». Что этим дакота могло понадобиться в стойбище сиксиков? Они на разведке, а тут подвернулся случай безнаказанно проникнуть в поселения сиксиков, чтобы шпионить там?

Раненый задумался. А если и так? Тогда он будет спасен, а двое дакота окажутся посреди толпы черноногих воинов, которые не дадут им уйти, если вскроется их злой умысел. А если их не двое, а они всего лишь разведчики большого отряда дакота, который выжидает где-нибудь в засаде, чтобы пойти по их следам до самого стойбища и напасть на женщин и детей? Может быть, они спасают раненого лишь затем, чтобы он показал им путь до стана черноногих. Нет, лучше не связываться с чужаками. Правда, тогда ему останется лишь погибнуть в этой безжизненной степи. Ведь как только он попытается доковылять до своего стойбища, дакота с легкостью его выследят.

Разозлившись на то, что появление и непрошеное внимание этих всадников отняло у него последнюю надежду на спасение, он коротко и пренебрежительно махнул рукой, чтобы уходили, давая понять, что он не рвется быть спасенным ими.

Кажется, они поняли, без слов развернулись, вскочили на коней и ускакали. Как знать, может, отъедут на расстояние видимости, сделают крюк и продолжат следить за ним. Но он твердо решил, что лучше останется здесь лежать и умрет от жажды или дастся на съедение волкам, чем выдаст врагам свое стойбище. Надежды на то, что его братья и друзья пойдут его искать, тоже не было. Ведь его взяли в плен, и все наверняка считают его погибшим.

Но те двое дакота, уже скрывшись из виду, повели себя не так, как думал раненый. Оказавшись вне его видимости и слышимости, они остановились. Мужчина спешил, юноша тоже соскользнул с коня, и они сели рядом в траву.

— Что ты думаешь про воина, которого мы нашли? — спросил мужчина.

— Сиксик на тропе войны. Сбежал от врагов, но сломал правую ногу. Мы видели его следы. Он идет напрямиком на северо-запад, должно быть, там стойбище его братьев и отцов. Человек с такой тяжелой травмой и без оружия не пойдет в обход.

— Хау. Что будем делать? Что ты предлагаешь, Харка Твердый Камень, Убивший Волка?

Мальчик, на тринадцатом году своей жизни, но по росту и серьезности выражений намного выходящей за пределы этого возраста, ответил:

— Мы поскачем на северо-запад и отыщем стойбище сиксиков, чтобы сообщить отцам и братьям раненого воина, где его искать.

— Люди в стойбище тоже примут нас за врагов, как только поймут, что мы дакота.

— Да, примут. Но разве мой отец Маттотаупа думает, что из-за этого мы должны скрываться?

— Я так не думаю, Харка. Мы давно решили идти к стойбищу сиксиков. Еще когда лето подходило к концу, когда трава уже пожелтела, а снега и морозы еще не наступили, мы решили это вместе, и я сказал тебе, что сиксики суровые воины и будет нелегко попасть в их ряды. Если мы знали это еще осенью, то зачем теперь, весной начинать бояться. Я сказал, хау.

Отец поднялся с земли, мальчик тоже немедленно встал. Оба сели на коней и поскакали на северо-запад, меняя поочередно легкий галоп и шаг — как было привычно всадникам без седел. Небо прояснилось, прерию озарило солнцем. Редкие облака отбрасывали свои бегущие тени. Поскольку дакота уже с утра перекусили, а были привычны есть только один раз в день, они больше не останавливались. Следы, какие им попадались, были оставлены антилопами, оленями, один раз лосем.

В три часа пополудни они наткнулись на след людей. След был обширный, отчетливый, видимый издали. Они подъехали ближе, спешили, чтобы не повредить следы, стреножили коней, чтобы те паслись, но далеко не ушли, и начали — каждый

сам по себе — внимательно осматривать следы, читая их как письма. Когда они снова сошлись, отец спросил:

— Ну? Что скажешь?

Подросток привык, что отец спрашивал его, прежде чем сказать свое мнение. Это было школой, которую проходил индейский мальчик.

— Поселение меняет место стоянки, отец. Они передвигаются так же, как и мы. — Говоря «мы», мальчик имел в виду племя дакота и свое родное поселение. — Женщины с детьми идут длинной вереницей посередине, их лошади тянут за собой волокуши.

Поскольку индейцы не знали колесá и даже не переняли его у белых после того, как познакомились с ними, они перевозили свои жилища, типи, имущество и маленьких детей по старинке, на волокушах. Две длинные еловые жерди тонкими концами закрепляются на спине лошади, а толстые концы волочатся по земле. Между ними натягивают шкуру, на которую можно сложить скарб и посадить детей. Такая транспортировка очень подходит для кочевья по бездорожью.

— Справа, слева, во главе и позади вереницы с женщинами идут воины и мужчины. Думаю, тут стойбище примерно на двадцать типи.

— Хау. Сколько времени этим следам?

— Примерно день. Они не могли далеко уйти, лошади с волокушами идут шагом.

— Вперед!

Дакота вернулись к своим коням и вскочили на них. Но они не пустились в путь, как намеревались, а застыли на месте, словно изваяния. На западе, в такой дали, что только глаз охотника может что-то различить, они одновременно увидели всадников. То был небольшой отряд из семи охотников, преследующих антилоп. Дакота видели, как две антилопы упали от выстрелов, остальные бежали дальше. Всадники собрались у убитых животных, забыв про охоту на остальных. Но, кажется, их занимала не добыча, они выстроились в одну линию.

— Они нас заметили!

Маттотаупа пустил своего Гнедого шагом в сторону чужаков. Харка направил Чалого за отцом.

Незнакомцы посоветались. Результат был ясен. Двое всадников забрали убитых антилоп и поскакали на северо-запад, судя по всему, несли добычу домой. Остальные пятеро галопом направились к Маттотаупе и Харке. Эти всадники были тоже индейцы, на маленьких, быстрых, полудиких мустангах; на них также были только штаны, пояса и обувь, ни головных уборов, ни курток. Волосы были гладко зачесаны назад, без пробора, обычного для дакота. Только в черной шевелюре переднего всадника топорщились орлиные перья. В правой руке он держал большой деревянный томагавк, каких Харка еще не видел.

— Это сиксики, — сказал отец.

Обе группы вскоре сблизились. Крича и размахивая оружием, сиксики окружили дакота и на полном скаку осадили мустангов. Маттотаупа и Харка тоже остановились и всем своим видом выражали полное безразличие к их воинственному поведению.

Когда пятеро всадников продемонстрировали свое оружие и навыки, они успокоились. Воин с орлиными перьями встал напротив Маттотаупы. Он приказным тоном что-то произ-

нес, чего Маттотаупа не понял, но жесты говорящего были недвусмысленны: дакота должны убрать руки с оружия и дать разоружить себя.

Но Маттотаупа уже сжимал в правой руке револьвер, он выстрелил в воздух и затем направил дуло на предводителя всадников.

— Мы не будем говорить на языке оружия, но будем говорить с оружием в руках! — сказал он при этом.

Харка выпрямился после его слов и также держал револьвер наготове.

Человек с орлиными перьями немного растерялся. Эти дакота не соответствовали его привычной картине мира. Он вырос с убеждением, что есть люди, а именно сиксики. А есть дакота и ассинибойны, которые хотя и выглядят как люди, но являются врагами, койотами, трусами и лжецами, с которыми настоящим людям приходится постоянно воевать. Он привык видеть воинов с чистым телом, чистой одеждой хорошей выделки и хорошим оружием и вождей с еще лучшей одеждой, лучшим оружием и украшением из орлиных перьев и рогов бизона. На этих же двоих одежда была поношенной, хотя

и видно, что когда-то она была качественной. На мужчине не было никаких знаков отличия. Но оружие у них было не просто отменным, оно было колдовским. Мужчине около тридцати лет или чуть больше. Трудно определить его возраст точно. Его торс и конечности были крепкими и соразмерными; шрамы служили доказательством, что он выдержал не одну тяжелую битву. Черты его лица создавали одновременно впечатление искренности и закрытости. У него была гладкая, светло-коричневая кожа, как у юноши, но в черных волосах уже поблескивали серебряные нити, а вокруг глаз и в уголках рта образовались морщины, будто вписывая в лицо человека скорбь и горечь. Стройный подросток рядом с мужчиной не был копией отца; кожа темнее, лоб выше, более острые черты лица. Но и в его внешности отпечатались противоречие юного возраста и недетской серьезности, небрежного, даже надменного вида, с которым он, казалось, осознанно держит дистанцию с другими людьми. Как внешность, так и поведение этих двоих дакота таили загадку. Что могло стать причиной того, что воин скачет по прерии с мальчиком? Отец хотел научить сына охоте? Что делают дакота на землях сиксиков? Мальчикам нельзя находиться на вражеских землях, их место в родных поселениях, а набираться опыта им положено в охотничьих угодьях их племен. Так было принято у людей и даже у паршивых койотов, которые выглядят как люди. Чего же этому чужаку надо у сиксиков? Если бы он пришел как враг, он бы не показывался или мог выстрелить еще издалека. Непохоже, чтобы он не умел обращаться с этим оружием. Но дакота не мог прийти к сиксикам как друг.

Здесь что-то не сходилось. Ничего не сходилось. Этот человек с его сыном такие же загадочные, как и их оружие.

Лучше препроводить этих непонятных всадников в стойбище, к вождю и шаману. Пусть они и разгадывают эту загадку. Остается вопрос, как в сложившейся ситуации, когда эти двое держат наготове свое колдовское оружие, заманить их в стойбище без кровопролития, но и не опозорившись.

Предводитель с орлиными перьями сказал на своем языке, справедливо полагая, что дакота его не поймут, воину, стоявшему рядом с ним:

— Ну-ка, мой брат, докажи, что ты не зря носишь имя Мудрый Змей. Этих странных дакота с их оружием и лошадьми надо бы доставить на совет наших старейшин и к нашему шаману. Вступать с ними в бой не следует: их убьем, но и они успеют забрать с собой двоих наших воинов, а их тайны так и останутся нераскрытыми.

— Колченогий Волк! — ответил воин, названный Мудрым Змеем. — На этом воине дакота нет боевого раскраса, и мы тоже зарыли наш топор войны; дважды с тех пор взошло солнце. Мы можем отвести этого человека и его сына к нашему стойбищу без боя.

— Наши мысли совпадают, но этот незнакомый воин с его таинственным оружием их не знает. Поговори с ним, Мудрый Змей!

Маттотаупа и Харка, даже не понимая ни слова, внимательно вслушивались в разговор, чтобы в случае чего среагировать на малейшее изменение тона, и пристально наблюдали за лицами говоривших. Теперь они ждали. Воин по имени Мудрый Змей посмотрел на Маттотаупу, подбирая в уме слова на языке дакота, известные ему из переговоров с вражеским племенем или от пленных.

— Мир, — произнес он. — К стойбищу.

Маттотаупа и Харка еще раз внимательно оглядели лица противников. Они были крепкими, суровыми, как их земли, и самоуверенными. Маттотаупа не ожидал от них хитрости и поэтому уверенно произнес:

— Хау! — что означало «да».

Он сунул револьвер за пояс, и Харка сделал то же самое.

Сиксики построились в колонну, и Маттотаупа и Харка тоже встали в строй; трое сиксиков впереди, двое за ними. Галопом они поскакали на север, и пыль вздымалась клубами из-под копыт. Пока они скакали, подросток Харка думал о мужчине, лежащем в прерии со сломанной ногой. Если ему не помочь до наступления ночи, он не выживет. Мальчику понравился этот упрямый воин, и он надеялся, что тот будет спасен.

Между четвертым и пятым часом пополудни на горизонте показались вигвамы стойбища. Навстречу вернувшимся воинам с приветственными криками неслась толпа мальчишек.

Они старались не глазеть на странных чужаков, а Маттотаупа и Харка тоже делали вид, будто не замечают мальчиков, ведь не их же прибежали радостно встречать. Типи стояли у ручья, по берегу которого рос тальник. Ручей был широким и быстрым, но неглубоким, с песчаным дном. Весеннее половодье еще не наступило. Типи здесь сооружались так же, как и у дакота: на конус из сосновых жердей, связанных верхушками, натягивались тяжелые полотнища из шкур бизонов. Перед одним типи на столбе висело особенно много трофеев, второе было разрисовано магическими знаками, и дакота сразу их распознали: должно быть, это вигвамы вождя и шамана. Среди вигвамов стояли несколько воинов, украдкой разглядывая прибывших.

Пятеро сиксиков спешили. Дети увели лошадей пастись или привязать к колышку у типи владельца. Предводитель Колченогий Волк и воин Мудрый Змей жестом указали Маттотаупе и Харке спешиться, что те и сделали. Они стояли у своих коней, держа их за поводья. Колченогий Волк и Мудрый Змей скрылись в шатре, богато украшенном трофеями, вскоре вышли и пригласили дакота внутрь. Маттотаупа взял свое оружие с собой, и Харка последовал в этом примере отца. К лошадям подошли двое сиксиков; они отогнали детей и встали возле животных, не берясь за поводья.

Маттотаупа и Харка вошли в вигвам; Мудрый Змей и Колченогий Волк последовали за ними и опустили входной полог.

Посреди вигвама горел огонь. Внутри было приятно тепло, а в котелке, висевшем над огнем, дымилась и благоухала похлебка из мяса бизона. Харка был голоден как волк, потому что последние дни они с отцом жили на дорожном запасе и сильно экономили. Но он не выдал свой голод ни движением, ни взглядом. Спокойно и уверенно он стоял на устланном шкурами полу у входа. Вождь сиксиков пригласил к очагу Маттотаупу, Колченогого Волка и Мудрого Змея. Жена вождя приготовила глиняные миски и роговые ложки. Детей в шатре не было.

Они вошли только сейчас. Мальчик возраста Харки и девочка значительно младше прошмыгнули сквозь прорезь входа. Мальчик повел себя так же, как повел бы себя и Харка: он

остался у входа, но на расстоянии от чужака. Мальчики взглянули друг на друга, надеясь сделать это незаметно, но их взгляды скрестились. Однако это не стало поводом как-то выказать свои чувства, наоборот. Ни один не хотел выдать своего интереса к другому, и поэтому — как будто другой был виноват в неподобающем любопытстве — они отплатили друг другу ледяным и отторгающим видом. В этом оба они были мастера, особенно Харка. Не двигаясь, пристально смотрели в центр жилища, чтобы следить за происходящим. Девочка помогала матери; она двигалась так легко, будто была невесомой.

Воины еще не сели у огня. Вождь, высокий, сильный, с большим достоинством стоял напротив Маттотаупы, который был немного выше и стройнее. Мудрый Змей спешно вышел из вигвама и скоро вернулся с молодой девушкой. Ей было велено остаться у огня, и она, казалось, знала, для чего ее позвали. Она стояла скромно, опустив руки вдоль туловища.

— Как твое имя и что ты ищешь в охотничьих угодьях воинов племени сиксиков? — спросил вождь своего гостя, и девушка перевела эти слова на язык дакота.

Она говорила тихо и разборчиво, и Маттотаупа и Харка сразу поняли, что она родилась в племени дакота. Должно быть, она военный трофей сиксиков и уже давно живет в чужом стойбище.

— Мое имя Маттотаупа, и я должен сказать вождю племени сиксиков, что один из его воинов лежит со сломанной ногой в прерии, без лошади, без оружия, без накидки. Его имени я не знаю, потому что он мне не доверился. Мы убили волков, которые хотели на него напасть.

— Можешь ли ты, Маттотаупа, назвать мне какие-нибудь знаки, по которым я могу узнать своего воина?

— У него глубокий шрам на правом плече, как будто он однажды вырвал оттуда стрелу с гарпунными зазубринами.

Вождь и Мудрый Змей оживились.

— Так и есть! Это Темный Дым! Он попал в плен к дакота. — Но затем их лица снова омрачились. — Ты еще не сказал нам, откуда ты и куда направляешься, воин, называющий себя Маттотаупа. Темный Дым находится в плену у наших врагов, дакота. Ты мог видеть его как пленника и теперь хочешь заманить нас в ловушку.

— Тогда возьмите с собой меня и моего сына Харку, Убившего Волка, Охотника на Медведей, свяжите нас. Вы увидите, что мы честны с вами. Если все так, как ты говоришь, вождь, тогда Темный Дым сбежал и ищет ваше стойбище.

— Мы не связываем детей. Оставайся здесь. Твой сын пойдет со мной и поведет нас.

Маттотаупа понял смысл этого распоряжения. Если сиксики поймут, что их обманули, одолеть подростка будет легче, чем воина вроде Маттотаупы.

— Я согласен. Харка Твердый Камень, Убивший Волка, отправится с вами!

— Сразу, как только мы пообедаем. Ваши лошади тоже измотаны. Мы дадим твоему сыну одного из моих коней.

Вождь, Колченогий Волк, Мудрый Змей и Маттотаупа уселись вокруг очага, и жена вождя разливала похлебку по мискам. Маленькая девочка принесла Харке полную миску. Вообще-то, дети могут есть только после взрослых, но Харке нужно было подкрепиться перед выездом. Он быстро хлебал ложкой суп; варево было превосходным. Так готовили в его родном стойбище покойная мать и бабушка. Лишь раз Харка поднял глаза от миски, когда девушка-дакота выходила из шатра.

Нельзя терять много времени за трапезой. Едва Харка успел опустошить миску, как снаружи уже послышался топот копыт. Они с отцом переглянулись, Харка отдал ему все свое оружие, кроме ножа, лука со стрелами и револьвера, и вместе с вождем черноногих вышел из типи. Вождь хотел взять с собой в путь десять воинов. Юному Харке показали коня, на котором ему предстояло скакать. Чалый и Гнедой паслись среди типи; он быстро их стреножил. Затем взглянул на мустанга, которого ему дали сиксики. Это был пегий жеребец с темной гривой, молодой и горячий. Юноша вскочил на него, и конь послушно повиновался ему. Он пустил коня в галоп в сторону юго-востока, подгоняя животное гиканьем и давлением ног, чтобы развить полную скорость, а отряд воинов скакал вслед за ним.

Мальчику казалось, будто живительные потоки протекали сквозь его тело, сквозь чувства и мысли. Вызволять храброго воина из беды, да при этом еще и вести войско, среди которого был вождь племени, чувствовать под собой великолепного коня и мчаться вдаль по голой прерии, не видя впереди ниче-

го, кроме неба и степи, не слыша ничего, кроме глухого топота неподкованных копыт, — вот чего ему так давно не хватало, и тем сильнее было ощущение гармонии.

Мальчик гнал коня. Каждый потерянный час, каждая потерянная минута могла стоить жизни человеку, ради которого они скакали. Маттотаупа и Харка оставили его, беспомощного, рано утром. Сейчас близился вечер. Только к ночи всадники доберутся до нужного места. Лучи солнца уже косо падали с юго-запада. Вскоре солнце оказалось за спинами всадников. Небо на востоке было ясное; ветер разогнал все облака. Когда Харка позволил коню перейти на шаг, чтобы передохнуть, он с опаской увидел, что небо начинает темнеть, а закатные лучи окрасили все красным цветом, удлиняя тени; вечер скоро должен был смениться ночью. Он снова пустил скакуна в галоп. До сих пор он не обмолвился ни словом с всадниками, что следовали за ним; да они бы и не поняли друг друга. Харка был предупрежден, что должен был остановиться на некотором расстоянии от того места, где лежал раненый. Там они хотели спешиться и рассредоточиться, чтобы не попасть в засаду.

Была уже глубокая ночь, когда они достигли цели. Несмотря на весенние заморозки, лошади взмокли, и бока у них дрожали. Всадники спрыгнули на землю. Вождь подошел к Харке. В руке у него было лассо, и он связал себя с мальчиком так, чтобы каждый мог свободно двигаться, но мальчик при этом не сбежал. Харка с пониманием принял этот знак недоверия как осторожность. В свете луны и звезд он рукой показал вождю, где нужно искать раненого. Двое воинов остались с лошадьми, остальные разошлись полукругом и стали концентрически, по разным окружностям приближаться к тому месту, где должен был лежать Темный Дым.

Харка шел впереди в связке с вождем. В руке у вождя был нож. Через некоторое время сиксик остановился, поднес ладони ко рту и трижды издал крик белой совы. Затем прислушался, и Харка тоже.

Неподалеку прозвучал ответный крик. Вождь бросился туда, не соблюдая прежних предосторожностей, и из темноты степи поднялась фигура человека, опиравшегося руками на две палки.

Темный Дым был еще жив!

Харка, связанный с вождем, едва поспедал за ним. Когда они добежали до найденного воина, вождь издал радостный крик, на который отозвались со всех сторон из темноты. Вскоре все собрались в одном месте.

Темный Дым и вождь заговорили между собой. Воин, изнеможенный от жажды, был настолько обессилен, что произнес лишь несколько слов и рухнул бы на землю, если бы его не подхватили. Но он, должно быть, успел что-то сказать и о Харке. Вождь теперь не только развязал лассо, удерживающее мальчика, но и произнес что-то, чего Харка хотя не понял, но по тону догадался, что это было «хорошо».

По дороге домой всадников окрыляла радость. Темного Дыма завернули в шкуру бизона, прихваченную с собой одним из воинов, а поскольку пегий мустанг Харки был нагружен меньше всех, обессиленного раненого посадили к мальчику. Как только добрались до первого водопоя, Темный Дым напился. Он мог бы выпить весь ручей, но совладал с собой и сделал несколько умеренных глотков.

Дорога домой заняла много часов. Когда отряд приблизился к стойбищу, уже давно был день и грело полуденное солнце. Ликующие воины и дети недолго занимали вождя. Как только добрались до вигвамов и всадники спешили, он собственноручно снял раненого с коня и понес его в жилище шамана.

Харка спрыгнул на землю и повел коня, как и остальные воины, к табуну, где теперь находились и Чалый с Гнедым.

Осмотревшись, он увидел отца, идущего к нему с распросами. Выслушав все, тот тоже с одобрением сказал:

— Хорошо!

Харка очень устал, у него дрожали и руки, и ноги, которыми он весь обратный путь поддерживал раненого. От усталости он почти не чувствовал зверского голода. Но когда вождь вышел из типи шамана и пригласил к себе на обед Маттотаупу и Харку, мальчик был несказанно рад мясной похлебке и сочному куску жаркого. Он считал ниже своего достоинства навестить в вигваме сон, упущенный этой ночью. Но поскольку не знал, чем себя занять, когда не можешь поговорить с мальчиками стойбища, он лег на траву рядом со своим Чалым, за-

жал губами травинку и смотрел в пустоту: кто хорошо его знал, понял бы, что это знак глубокой и долгой задумчивости. Но здесь его не знал никто, кроме отца.

Вечером Маттотаупа позвал мальчика в вигвам вождя, где они могли переночевать. Впервые за три последние четверти года Харка снова спал, завернувшись в шкуру в индейском вигваме. Но воспоминания о родине, все еще живые, не столько успокаивали его, сколько волновали, а по дыханию отца он заметил, что тот тоже долго не мог уснуть.

После полуночи юношу наконец одолела усталость, однако с первым предутренним светом он снова проснулся. Чтобы сыну вождя черноногих даже мысль не могла прийти, что Харка засоня. Оба мальчика почти одновременно откинули свои одеяла. По знаку, поданному глазами отца, Харка вместе с сыном вождя побежал к ручью. Как было заведено и на родине Харки, все мальчики стойбища собрались у места купания. Харка вместе с первыми бросился в ледяную воду, но не стал показывать свое умение плавать, а только порезвился в воде. Но когда один из черноногих пристал к чужаку и схватил его за волосы, чтобы окунуть, нападающему не поздоровилось. Харка одним махом освободился из захвата. Он нырнул до самого дна, проплыл под нападавшим, напал на него сзади и как следует окунул. Остальные мальчики смеялись и развеселились, и так начались водные игры, в которых Харка был неплох. Сын черноногого вождя махнул ему рукой в сторону берега, и, когда оба растерлись песком, очистившись и согревшись, черноногий мальчик поделился с чужаком медвежьим жиром, который ему дала с собой заботливая мать.

Харка посмотрел, как мальчик особенно тщательно втирал жир в ноги, и сделал то же самое.

Завтрак в типи был очень вкусным.

Когда он закончился, вождь лагеря позвал своего гостя Маттотаупу с собой и разрешил взять сына. Он привел их к вигваму шамана, и они вместе вошли. Тут Харка мигом забыл о детских играх, он почувствовал, что будет серьезный и тяжелый разговор о том, откуда пришли Маттотаупа и Харка и что их привело в уголья сиксиков. Лицо Маттотаупы замкнулось, осанка стала гордой, как никогда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕЩЕРА В ЧЕРНЫХ ХОЛМАХ

Укрытие изгнанника	7
Тачунка-Витко	30
Рыси в ночи	59
Встреча у бобровых плотин	81
Хитрость Маттотаупы	89
Ситопанаки	106
Черная борода	119
Утро мертвых рыб	143
Мать вождя	166
Уже не в одиночку	196
Трое в пещере	215
Топ и Харри	251
Карательная экспедиция	280
Лагерь	308

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДАКОТА

Прощальная вечеринка	341
«Юнион Пасифик»	377
Охота на орла	427
Испытание	450
Мустанг в болоте	481
Жертва Солнцу	501
Изгнанники	560
Блокгауз	595
Сын Большой Медведицы	616